

От права средств массовой информации к праву свободы массовой информации

Виктор МОНАХОВ, член Судебной палаты по информационным спорам при Президенте РФ

В выступлении Алексея Панкина прозвучала мысль о том, что во всяком кризисе есть плюс, потому что кризис заставляет думать. И действительно, переживаемый нами кризис при всех его тяготах, лишениях, с ним связанных, заставляет думать. Одних больше, других меньше. Нам возможность коллективно подумать представилась за этим столом, так давайте вместе поразмышляем.

У меня тоже нет готовых рецептов, и я даже не строю таких сценариев, о которых, скажем, говорил Михаил Федотов, но лично мне кажется, что все будет во многом по иному, чем это представляется нашим "сценаристам". Задачу же своего выступления я вижу в следующем. Во-первых, попытаться представить некие точки роста, которые мы должны пестовать, ибо именно в них наша надежда. А во-вторых, откликаясь на высказанный в начале нашей встречи Иосифом Дзялошинским призыв к ее участникам – наработать некий коридор возможностей выхода российской прессы из кризисной ситуации, – попытаться внести свой вклад в построение этого коридора.

Кстати говоря, в этом качестве мы – сидящие за этим столом – в чем-то, наверное, напоминаем Совет директоров Центробанка, озабоченный проблемой как вернуть беглый доллар в рамки определенного ему валютного коридора.

Я думаю, что если нам за эти два дня работы удастся наработать хотя бы две несущие идеи – конструкции такого коридора или туннеля с искрой света в его конце, то уже этого будет достаточно для того, чтобы не считать время, проведенное в дискуссиях, потерянным.

Однако все по порядку. Как и мои коллеги, выступавшие до меня, я предложу свою формулу ситуации, в которой мы сейчас оказались. По мне, это – отход на заранее подготовленные позиции. Но в отличие от классического смысла этой фразы подготовленность позиций в нашем случае носит во многом естественный характер. В том смысле, что никто их заранее специально не готовил на случай отступления (о нем просто никто всерьез не задумывался), они выросли или сформировались естественным путем, как своеобразные грибы после дождя демократии и рынка. О каких позициях я говорю в данном случае?

Во-первых, это конкретные структуры, институты открытого гражданского общества, возникшие у нас за последние 10 лет. В связи с этим я не соглашусь с позицией, высказанной Вячеславом Костиковым, о том, что мы опять возвращаемся в наше диссидентское прошлое, в смысле эпохи по преимуществу индивидуальных действий. Это не так. Да, и в эпоху диссидентства были структуры, аккумулирующие потенциал диссидентского протеста. Но эти структуры были в своем подавляющем большинстве нелегальными. Совсем не то сейчас. Давайте мысленно окинем взором хотя бы наше информационное поле социальных действий. Кого мы тут только ни встретим! Это и "виновники" нашей сегодняшней встречи – Институт гуманитарных коммуникаций и Комиссия по свободе доступа к информации. Это и Фонд защиты гласности Алексея Симонова. Это и Национальный институт прессы. Это и Интерьюс. Это и многие другие общественные информационно-правозащитные структуры. Большинство из них достаточно известны своей реальной благой деятельностью. Но есть и новички, только еще дебютирующие на этом поприще и, что принципиально важно, вовсе не в пределах Садового кольца.

Вот конкретный пример. Недавно к нам в Судебную палату попал любопытный документ, обосновывающий и защищающий одну из позиций в давнем, но еще не получившем на территории России своего разрешения споре между "телевизионщиками" и "газетчиками" по поводу того, кто кому и сколько должен платить за публикацию в газетах еженедельных программ телепередач. Документ, как полагается, был на фирменном бланке той общественной организации, от которой он исходил. Это организация районного уровня, она действует на территории одного из райцентров Свердловской области (а ведь духовный и душевный центр России располагается именно в маленьком, типичном райцентре, а не в центре большой Москвы). Предмет деятельности этой организации – защита информационных прав граждан.

Название этой организации весьма выразительно и должно заставить задуматься многих в столичной информационной тусовке – "Народ против СМИ".

Истоки деятельности этой организации, осуществляемой, напомним, во глубине уральских руд, в осознании того факта, что право граждан на оперативное получение достоверных сведений о деятельности государственных и общественных структур, осуществляемое в соответствии со ст. 38 Закона РФ "О средствах массовой информации" именно через СМИ, реализуется ими или явно недостаточно, или очень плохо. Вот уральский "народ" и решил выступить в защиту своего права на информацию против тех, кто по Закону должен ему эту самую информацию поставлять. Так что не только в пределах Садового кольца, но и на Урале, в Сибири, в Приморье и т.д. и т.п. существуют и действуют легальные общественные структуры, ставящие перед собой цели защиты открытого общества и права народа знать.

На мой взгляд, описание сегодняшней ситуации преимущественно в трагедийных тонах, по меньшей мере, не точно. Правильнее говорить об очередном отклонении экономического маятника и/или очередной смене политического климата в стране. Причем принцип маятника действует, видимо, не только в политике, но и в сфере информационных отношений. Даже психологически мы с вами живем по определенным циклам и к каждому из них надо подходить с пониманием и – главное – спокойно. Помнить, образно говоря, что "у природы нет плохой погоды" и что причина всякой разрухи в наших головах и нигде больше. Итак, первая линия наших заранее подготовленных позиций, своеобразные линии "Мажино", "Маннергейма" – это работающие на общественном информационном поле институты открытого гражданского общества.

Но главное наше оружие и надежда это – право. В частности, право СМИ. Аббревиатуру этой становящейся отрасли российского правоведения до последнего времени я расшифровывал как "право средств массовой информации". Однако с реальным появлением в нашей жизни так называемых "новых медиа": Интернет–вещания, электронных газет и журналов, мультимедиа и т.д. – правильнее вкладывать в эти три буквы более широкое и глубокое содержание. Право СМИ должно стать правом свободы массовой информации, той свободы, которая гарантируется ст. 29 Конституции России. Но поскольку генеральная тема нашей сегодняшней встречи – независимость прессы и ее факторы, я буду говорить по преимуществу о роли права именно как фактора независимости прессы.

Оттолкнусь от той фразы, которую употребил Михаил Федотов в дискуссии с депутатом Государственной Думы Владимиром Лопатиным. Помните, он сказал, что право – это живая ткань. Мне представляется, что это очень удачный образ для построения дальнейшей логической цепочки моих рассуждений. Если право – это живая ткань (я бы лишь добавил к этой формуле уточнение: живая ткань справедливости), то надо помнить о том (юристы об этом помнят, просто здесь далеко не все юристы), что право и закон в этом смысле две большие разницы. В свое время в ленинградском БДТ шел спектакль "Кавказский меловой круг". Ефим Копелян, игравший в нем роль восточного судьи, выходил к народу, держа в руке фолианты разных законов, и, выразительно покачивая ими, вопрошал: "Вас как судить – по закону или по справедливости?!". Народ, естественно, отвечивал: "По справедливости!". Тогда судья убирал фолианты и рассматривал споры исходя из своего понимания справедливости.

Так вот, если продолжить вышеназванный образный ряд, то закон можно представить в виде одежды, сшитой из ткани справедливости, права. Ответ на вопрос, насколько хорошо при этом "костюмчик будет сидеть", насколько вообще вся эта законотворческая одежда будет соответствовать правовым лекалам, зависит от многих факторов. В том числе от профессионального умения тех людей, которые сидят в наших с вами парламентах и которые в этом смысле являются портными. Умение это у них пока действительно не очень высокое. Но было бы предельно наивно ожидать большего от нашей молодой демократии. Вместе с тем определенные основания для осторожных надежд на то, что мы действительно станем правовым государством, при достаточном внимании можно обнаружить буквально под ногами – в выпусках новостей, в ежедневной почте.

Вот лишь два последних факта, казалось бы, внешне друг с другом вовсе не связанных. Первый: буквально вчера по новостным программам НТВ все вы могли наблюдать репортаж с заседания Верховного Суда России. В нем – рассказ о вердикте этого уважаемого органа российской судебной власти по делу судьи Московского городского суда Сергея Пашина о лишении его судейских полномочий.

Что же такого натворил этот судья, что дало возможность Высшей квалификационной коллегии судейского сообщества России дать "добро" на это лишение, а Верховному Суду заниматься разбирательством по его жалобе?!

Судья Пашин допустил формальное нарушение требований уголовно–процессуальной нормы,

регламентирующей действия судей во время вынесения приговора, и того, что можно назвать сложившейся процессуальной практикой их поведения в это время. Фактически это выразилось вот в чем. После окончания полугодового судебного разбирательства по одному из уголовных дел, которое он вел в качестве председательствующего, но до оглашения приговора по делу он уехал в Питер на научную конференцию как раз по совершенствованию уголовно–процессуального кодекса России. А надо сказать, что Пашин довольно известный реформатор российского правосудия, в частности один из инициаторов восстановления в нем института присяжных заседателей. Покидать пределы города с неоглашенным приговором не принято. Считается, что тем самым нарушается тайна судейской совещательной комнаты. Именно за это он и был лишен своих полномочий. И судейское сообщество на уровне двух своих квалификационных коллегий (Московской и Российской) с этим согласилось. Но, как вчера мы узнали, не согласился Верховный Суд России. И это делает ему честь. И одновременно заставляет задуматься о лице нашего судейского сообщества. Ибо совершенно понятно, что нарушение тайны судейской совещательной комнаты с равным успехом могло произойти и в Москве. Ведь судьи не сидят в совещательной комнате, когда выносят свои решения по большим и, соответственно, долгим (иной раз – это несколько недель) делам, безвылазно. Они уезжают домой, иногда на выходные за город, но вот в другой город, да тем паче ради выступления на научной конференции... Такого ранее не было.

Поскольку Сергей Пашин в судейском сообществе – во многом белая ворона (в основном по причине своих реформаторских амбиций), то это судейское сообщество, используя питерскую "самоволку" как повод, его из своей среды изгнало. И он пока в проигрыше. Ибо узок круг подобных ему в этом сообществе. Страшно далеки они от общей судейской массы. Хотя формально Верховный Суд принял решение в его пользу. Он должен быть восстановлен в своей должности судьи Мосгорсуда. Но каково ему будет работать с теми, кто его отверг? То есть еще далеко не хэппи–энд в личном плане для конкретного человека – Сергея Пашина, но некий социальный успех налицо. Он именно в том, что в Верховном Суде России в очередной раз победило Право. В его высшем, справедливом смысле.

Второй случай: это уже не московская история, она произошла на далеких берегах Амура. Это опять райцентр, на сей раз поселок Сельшево Амурской области. Там есть газета. Обыкновеннейшая районка. "Сельские новости" называется. В райцентре примерно 5 тысяч жителей. Так вот, там разгорелся серьезнейший спор между местной администрацией и коллективом этой районки, который дошел до федерального центра в лице Судебной палаты по информационным спорам при Президенте России. Страсти разгорелись сами по себе нешуточные, но особо значим сам предмет этого спора. О чем же он? Как раз о том же, о чем мы с вами здесь говорим. Но на более конкретном уровне. Дело в том, что в ст. 19 Закона РФ "О СМИ" существует лаконичная формула: "Редакция осуществляет свою деятельность на основе профессиональной самостоятельности". Но что в себя включает в юридическом смысле эта категория "профессиональная самостоятельность"? Вопрос, как говорится, интересный. В частности, включает ли она в себя такое право, как самостоятельное участие в определении наиболее подходящей для данной конкретной редакции организационно–правовой формы ее существования? Или решение этого вопроса целиком прерогатива учредителя – органа власти местного самоуправления – поселкового главы Администрации?! Вот о чем спорят сегодня районные газетчики с тамошней властью! О конкретных юридических границах своей профессиональной самостоятельности, сиречь независимости. Пусть пока неумело, излишне эмоционально и недостаточно обоснованно в правовом смысле, но ведь спорят!

Коренной, имеющий силу доброго знамения, смысл этого примера, на мой взгляд, в том, что к праву как средству обеспечения профессиональной редакционной независимости начинают прибегать "в низах", в райцентрах. Раньше этого не было. Было почти по Некрасову:

"В столицах шум, гремят витии,
Кипит словесная борьба.
А там, во глубине России,
Там вековая тишина".

Сейчас эту тишину начинают потихонечку нарушать. И не челобитными царю или его боярам, а исковым производством, предусмотренным статьями Закона России "О средствах массовой информации". И уж если во глубине России поверили в право как реальное средство защиты независимости прессы, то грош нам цена, если мы здесь, в центре, не сумеем эту независимость отстоять.

Следующий момент, на котором я бы хотел сконцентрировать ваше внимание, это проблема обеспечения более активного участия общественных информационно–правозащитных структур в собственно законотворческом процессе, в подготовке и прохождении через все этапы

законотворчества законов, регулирующих реализацию свободы массовой информации на территории России. Я уже не впервые поднимаю эту проблему. В частности, говорил о ней на международном семинаре, состоявшемся 26–28 октября 1996 г. в Санкт–Петербурге и обсуждавшем "Концепцию законодательства о средствах массовой информации для посттоталитарных государств".

Предлагал конкретные схемы, алгоритмы действий по исправлению сложившегося неудовлетворительного хода дел в информационном законотворчестве нашего парламента. Но воз и ныне там, что и заставляет меня впрягаться в него еще и еще раз. Ведь что мы по–прежнему наблюдаем в информационном законотворчестве российского парламента? А наблюдаем мы видимый перекокс в пользу законодательства о тайнах. В ущерб законодательному регулированию отношений открытости. Скажем, соответствующие законодательные акты, посвященные защите различных тайн (прежде всего государственной, банковской, служебной, коммерческой и т. д.), имеют своих ведомственных опекунов и лоббистов. Тут все в порядке и соответствующие ведомственные интересы в достаточной степени на законотворческом уровне представляются и, соответственно, соблюдаются. Но у социальной действительности, как у Януса, два лица. Кроме тайного, есть и открытое. Так вот, у законодательства, пестующего информационную открытость во всех ее проявлениях, – открытость осуществления государственной власти, финансовую открытость, потребительскую открытость, et cetera – с опекунами и лоббистами прямо беда. Если и есть оные, то весьма слабосильные. Тут представителям и радетелям открытого гражданского общества есть над чем подумать и главное есть куда приложить свои дремлющие пока силы.

Конкретным направлением такого рода приложения, например, могло бы стать формирование общественных рабочих групп для подготовки инициативных проектов законодательных актов, направленных, скажем, на обеспечение информационной открытости как действенного средства контроля общества за отправлением государственной власти или на какие–то иные социально значимые области регуляции информационных отношений.

Кстати, аналогичная по своей сути идея, но с более широкой содержательной направленностью, и, что очень важно, готовым механизмом материально стимулирования появилась на страницах "Новой газеты" (№ 15 за 1998 г.). Имеется в виду обращение Оргкомитета публичного конкурса законопроектов, направленных на обеспечение достойной жизни личности в России. Всем желающим предлагается в срок не позднее 1 августа 2000 г. представить на выбор свой вариант конкретного федерального законопроекта из четырех заявленных Оргкомитетом как самых нужных. Вот их названия: "О правовом статусе личности в РФ", "О государственной власти и местном самоуправлении", "О налогах, сборах и иных обязательных платежах", "Об изменениях в УК и УПК России". Оргкомитет обещает заплатить за лучший вариант каждого из этих четырех законопроектов солидную премию и гарантирует их внесение в порядке законодательной инициативы в соответствующие законодательные органы. Я думаю, что это хорошая, добротнo проработанная схема, включающая, как вы видите, и вопросы финансирования, и вопросы последующего надлежащего применения наработанного законопроектного материала.

Материальную базу моей идеи по развитию общественно–государственных форм информационного законотворчества могли бы составить определенные финансовые и организационно–технические средства, выделяемые государством, например, под контролем и попечением Комитета по информационной политике и связи Государственной Думы. Эти средства по грантовой схеме могли бы предоставляться общественным рабочим группам с задачей в определенный срок подготовить проект такого–то федерального закона. В составе таких групп могли бы работать заинтересованные в подготовке конкретных законов депутаты Госдумы, через механизм законодательной инициативы которых доведенные "до ума" законопроекты обретали бы надлежащий юридический статус.

Кроме подготовки собственных законопроектов, подобные инициативные группы могли бы "общественно" сопровождать через все рифы законотворческого процесса проекты законов, идущие от иных субъектов законотворчества. Это было бы этим законопроектам лишь на пользу и в смысле улучшения их качественных характеристик, и в смысле ускорения их прохождения через законотворческие рифы.

Сегодня такого рода общественного внимания заслуживают, с моей точки зрения, проекты Федеральных законов "О праве на информацию", "О телерадиовещании" и "О коммерческой тайне". Все они уже прошли первое чтение в Государственной Думе и готовятся ко второму. Всем им для повышения законодательной "всхожести" необходим солнечный свет и тепло общественного внимания со стороны наших информационно–правозащитных структур, да и всего журналистского цеха.

Также в русле этого внимания должны находиться как минимум еще две проблемы регулирования информационной деятельности. Во–первых, поиск разумного баланса между госрегулированием и саморегулированием деятельности в сфере массовой информации.

Поиск этого баланса ведется не только у нас, это общемировая проблема. Просто нам следует, что называется, плотнее держать руку на пульсе мировых действий и событий в правовом и этическом сегментах регулирования массовых информационных процессов.

Во–вторых, возможность тиражирования нашего опыта правового и этического обеспечения независимости прессы очень значима для наших коллег в странах СНГ. Дело в том, что наш опыт в этой тонкой сфере общественных отношений для них гораздо более понятен, близок и лучше применим в их условиях, чем, скажем, опыт США или Германии. Сказываются общий исторический опыт, родственная правовая и во многом этическая система регулирования и т. д. Я утвердился в этом мнении в ходе поездок в Армению, Таджикистан, Казахстан, осуществленных как раз с целью передачи российского опыта законодательного и иного регулирования деятельности прессы. Сегодня в этих и многих других странах СНГ на государственном и общественном уровнях идут процессы активного обсуждения различных законопроектов в сфере массовой информации. И нам надо учитывать, что принятые там по этому поводу решения будут определять ситуацию на информационном пространстве нашего Содружества в XXI веке – веке, в котором, по многим оценкам, именно информация будет определяющим мировым и национальным ресурсом. Отсюда и значимость (государственная и общественная) наших усилий по эффективной передаче российского опыта регулирования информационных отношений.

Пока в этот процесс активно включены лишь общественные структуры. В этом ряду хочу особо выделить разностороннюю и эффективную деятельность Интерьюса, Центра "Право и СМИ", Фонда защиты гласности. Задача момента, на мой взгляд, расширять и углублять эту деятельность, активно вовлекая в нее государственные структуры. Я считаю, что активизация государственных усилий именно на этом направлении нашего взаимодействия и сотрудничества будет зримо содействовать решению актуальнейшей на сегодняшний день глобальной задачи придания СНГ нового дыхания.

Я уверен, что расширение нашего взаимодействия по линии СНГ, кроме описанного интеграционного эффекта, способно оказать как непосредственное, так и опосредованное воздействие и на решение проблемы обеспечения независимости прессы в России. Во–первых, мы далеко не во всем впереди в смысле оптимальных законодательных решений в информационной сфере жизнедеятельности общества и государства. Нам есть чему в этой сфере поучиться у наших коллег в странах СНГ. Во–вторых, очень важен эффект эмерджентности, объединения усилий, скажем, в деле защиты прав прессы от государственно–властных или олигархических поползновений на территории любого из государств Содружества.

Резюмируя выступление, выскажу некий тезис, образно представляющий социально и личностно потребное направление наших последующих общих усилий. Он звучит примерно следующим образом: нам надлежит развивать право свободы массовой информации (право СМИ) в России в качестве слаженного дуэта эффективных информационно–правовых норм и справедливого информационного правосудия.

Вне слаженного дуэта этих составляющих (правовых норм и правосудия) песнь независимости российской прессы неминуемо будет сбиваться на фальшивые ноты и может даже быть "спета". Этого нам допустить ни в коем случае нельзя. Кто же должен обеспечить слаженность этого дуэта, спросите вы? Я отвечу словами Махатмы Ганди: "Мы сами должны быть теми изменениями, которые желаем видеть в мире".

Р. Гольдберг:

– Вправе ли Судебная палата следить за тем, насколько правильно применяются в судебных процессах против газет или газет против кого–то специализированные законы? Потому что чаще всего берут Гражданский кодекс, а законы о СМИ судьи не знают, для них этих законов как будто нет. И, как правило, мы проигрывает такие процессы.

В. Монахов:

– Понятен вопрос. Вначале я его немножко поясню для присутствующих или, так сказать, переведу на юридический язык. Тогда он будет звучать так: "Насколько и как Судебная палата может влиять на решения судов общей юрисдикции?". Имеются в виду обычные районные суды, городские,

областные и так до Верховного. Это очень сложный вопрос. Влияние определенное есть, но оно не прямое. Помните мой рассказ об истории с судьей Пашиным? Я говорил, что он для многих своих коллег – белая ворона. Так вот, и Судебная палата тоже выглядит в глазах многих судебных белой вороной. Это как бы констатация факта. Но из любого положения можно найти выход, и вот один из этих выходов за годы существования Судебной палаты (уже четыре года прошло, как мы существуем) нарабатался. Он вот в чем. Представьте, идет спор гражданско–правовой или, не дай Бог, уголовно–правовой. Чаще всего это иск о защите чести и достоинства, с которым к вам, к редакциям средств массовой информации, обращается чаще всего представитель какой–то администрации. И поскольку это происходит на местах, то там, во–первых, воздействие на конкретного судью со стороны иных властей достаточно велико, а во–вторых, часто наличествует элементарное непонимание со стороны судей, какой именно нормой руководствоваться при решении данного спора. В этой связи вспоминается случай из моей питерской практики 1992 года, когда в Смольнинском райсуде судья от меня как стороны в гражданско–правовом споре узнала о существовании в России специального Закона "О СМИ". Что же говорить о других городах?

Есть ли какой–то выход из этой ситуации? Да, есть. Вы как сторона гражданско–правового спора или как участник уголовно–правового судебного разбирательства можете, пользуясь своими процессуальными правами, заявить судьям ходатайство о необходимости поставить перед Судебной палатой по информационным спорам при Президенте России (которая является авторитетным экспертным государственным органом в сфере деятельности средств массовой информации в соответствии с п. 21 ее Положения) ряд вопросов, имеющих, с Вашей точки зрения, существенное значение для рассмотрения дела. На это ходатайство судьи обязаны ответить мотивированным определением. Не ответили – уже повод для обжалования. Ответили нечетко – опять повод. Вот такое процессуальное оружие есть в Ваших руках, и Вы можете им эффективно пользоваться. Как конкретный пример для подражания Вы можете использовать опубликованное в одном из сборников решений Судебной палаты наше экспертное заключение № 3(13) от 21 марта 1996 г. "Об обращении Норильского городского суда по искам о защите чести и достоинства, вызванным публикациями в СМИ". Там Вы найдете и текст определения народного судьи Норильского горсуда с просьбой подготовить экспертное заключение по находящемуся в его судебном производстве гражданско–правовому спору и само наше экспертное заключение.

Р.Гольдберг:

– И еще один вопрос. Сегодня здесь много говорилось о тайнах. Мы очень часто входим в конфликты с разными структурами: от администрации области до ФСБ – по поводу того, что мы там чего–то разгласили. Я, как правило, говорю при этом, что моя функция не хранить ваши тайны, моя функция – давать людям информацию. Все остальное – ваше. Последний случай был перед приездом Патриарха в Тюмень. Мы получили информацию о его предполагаемом маршруте и напечатали, что он будет там–то, поедет в училище и все такое прочее. И буквально сразу в телефоне визг, что мы, мол, раскрыли тайну маршрута, теперь надо менять всю схему, не дай Бог, кто–нибудь организует на него покушение. В общем, сумасшедший дом.

Вообще, сейчас существенно усложняется доступ к различной информации. Например, Генеральная прокуратура буквально на днях приняла новое решение. Теперь следователь не может, как раньше, сам решать, дать журналистам соответствующую информацию или нет. То есть нам обрезаются и здесь какие–то возможности. Так кто же должен отвечать за разглашение тайны?

В.Монахов:

– Спасибо за этот вопрос, он очень интересный и значимый. Хотя бы тем, что ответы на него даются разные. И моими коллегами юристами, и журналистами–учеными, и журналистами–практиками. Моя личная позиция по этому вопросу состоит как бы из двух частей. Первая описывается в категориях должностования. По ней журналист по общему правилу за небольшим исключением не должен отвечать за разглашение, например, государственной тайны. Отвечать должен тот, кто ее охраняет и по чьей вине она стала известной тому же журналисту. Но не должен отвечать не означает, что не будет отвечать. Давайте посмотрим, что по этому поводу говорит закон, например, Уголовный кодекс. Действующая редакция ст. 283 УК России – разглашение гостайны – описывает субъекта разглашения гостайны как бы в трех ипостасях, в зависимости от того, каким образом субъекту стали известны сведения, составляющие гостайну:

– лицо, которому гостайна была доверена (это понятно: имеется в виду система спецдопуска, подписка о неразглашении, тут журналистом и не пахнет);

– лицо, которому она стала известна по службе (пример – военкор Г.Пасько, второй год сидящий под следствием);

– лицо, которому она стала известна по работе (в данном случае имеется в виду, что определенные сведения стали известны де-факто, и под этот признак может рано или поздно подпасть любой журналист).

Такой вот расклад. В свое время, точнее зимой 1991 года, когда принимался действующий Закон "О СМИ", его авторы записали в статью 57 – освобождение от ответственности – специальный, седьмой по счету пункт. Он был как раз направлен на положительное решение вопроса, о котором мы сейчас ведем речь. Этот пункт освобождал журналиста от ответственности за разглашение тайны, если в его действиях не было состава преступления, то есть разглашаемые сведения не были добыты преступным путем. Но, как вы знаете, этого пункта нет в действующей редакции статьи 57 Закона "О СМИ". Там всего шесть пунктов. Седьмой депутаты убрали по настоянию тогдашнего Генпрокурора РСФСР В.Степанкова. И теперь, как мне представляется, возможные привлечения журналистов к юридической ответственности даже за неосторожное, без умысла разглашение каких-то охраняемых законом тайн будет лежать и на совести авторов "поправки Степанкова", убравших "тайный" пункт седьмой из статьи 57 Закона "О СМИ".

Кстати, в этом контексте вполне уместно вспомнить мои слова о том, что вовсе не во всех информационно-правовых позициях мы впереди наших коллег по Содружеству. Так, на Украине действующая формула закона (это ст. 47 Закона "Об информации"), определяющая, кто может стать субъектом ответственности за разглашение любых охраняемых законом тайн, предельно четкая и недвусмысленная: это именно то и только то лицо, которое обязано охранять данную тайну.